

**Александр
ВОЛКОВ**

г. Петрозаводск

**Сямозерцы – информаторы и ассистенты финских лингвистов
и финские ученые – создатели «Большого словаря карельского языка»**

Вокрестностях Сямозера сотни лет живут ливвики. Здесь свой уклад жизни, обычаи, язык, песни и вирзи, самобытная культура, праздники и будни.

Первые стихи на ливви написал в 60-е годы XIX века и опубликовал в книге «Голос корела» уроженец Сямозерского погоста Мирон Смирнов (Санкт-Петербург, 1890 г.).

Еще ранее интерес к изучению карельского языка и фольклора проявили финские лингвисты А. Генец и А. Борениус, которые посетили южную Карелию в 1871 году. Три недели они провели в Сямозере, ходили в Лахти, Вуаччи и другие вешкельские деревни. В Эльмитозере (около 10 верст от Кудамы) им пел песни и причитал вирзи Муйлаччу – Архип Муйлачев. От него записаны переводы слов, песни (слова «руны» в карельском ливви нет), сказки, старины и прибаутки.

В Эльмитозере родились внуки Архипа. Одна из них – самая известная рунопевица в южной Карелии Анастасия Никифорова. От нее записаны вирзи «О рождении и сватовстве Сеппо Илмойлиинена» (записал Виктор Евсеев, 1936 г.), «Девушка-золушка» (П.Куйкка, 1940 г.), широко извест-

ная игровая песня «Русской нейчут» (Иван Левкин, 1937 г.), «Он го Петроской каунис линнайне» («Как прекрасен наш град Петрозаводск») и другие. Всего, включая частушки и прибаутки, около 400 произведений. От ее сестры, Марии Архиповой, записан сказ «Животные – разносчики вестей» (П.Куйкка, 1934 г.) и другие.

Известный поэт и общественный деятель финской Карелии Ийво Хяркёнен, уроженец Суйстамо, в 1901 году записал народные песни в деревне Вешкелица, которая до 1941 года входила в состав Пряжинского района. Для него пела Офимья Карпова. Ийво Хяркёнен написал книги «Лавлулой Анукселейзил» («Песни для олончан»), «Ануксен брихачут» («Олонецкие ребята»).

Вешкельская жительница Анна Киброева читала вирзи про старого Вяйнямёйнена, Сеппо Илмойлиинена, молодого Дёгамойнена, деву Катерину (В. Евсеев, 1945 г.). Читатель может отметить аналогичную рунам «Калевалы» метрику. В вешкельских деревнях пели песни и вирзи, переданные им неграмотными пращурами и дедами, на чистом языке ливви Арина Федулина, Аксиныя Васкьева и другие.

В Ангенлахти, что расположена через километровой залив от Эссойлы, от Меланьи Песковой записана сказка в стихах «Ляхти Тийтту калах» («Пошел Тийтту на рыбалку»). Эссойльчанка Фекла Житкова – плакальщица, наша родственница, пела похоронные вирзи.

Часть этих песен опубликована в антологии «Карьялан пагин» («Карельская речь», А. Мишин, А. Волков, Петрозаводск, 2003 г.). А сколько этих воистину словесных жемчужин народа никем не записано, позабыто и сгинуло?

В 1924 году в Угмольской начальной школе начал учительствовать выпускник Гатчинского педтехникума ингерманландец Тобиас Гуттари, ставший поэтом Леа Хело. Его помнила моя старшая сестра Анна Лукинична. Через два года Гуттари стал заведующим Чалкинской начальной школы, в которой в то время учился Александр Кириллов из Нядлахти, что на северо-западе от Сямозера. Возможно, по примеру Хело он стал писать стихи под псевдонимом – Калле Юссила, а впоследствии стал известным писателем и сподвижником Ялмари Виртанена. Батальонный комиссар А. Кириллов погиб в бою под Ленинградом в 1941 г.

Из семи деревень Чалкосельского сельсовета вследствие репрессий и войн не сохранилось ни одной.

В 1939–1941 гг. в Сямозерской школе преподавал Илмари Сааринен, переехавший с семьей из Канады и ставший потом поэтом, автором сборника стихов «Моя Карелия».

Самый большой вклад в сохранение карельского языка сделал Эдвард Вильгельм Ахтия (1867–1953). Изучение языка ливви, поиск новых слов в диалектах стало делом его жизни. Он знал шведский, финский и русский языки, что облегчало его работу. В 1898 году Ахтия совершил путешествие из Суоярви на Соловки через Петрозаводск, Повенец, Сумпосад где на лошади, где пешком и по воде. По пути он познакомился с карельскими деревнями, в том числе с Сямозерьем, и языком ливви. Он и женился в суоярвской деревне Куйкканиеми на карелке Ирине Трофимовой.

В 1898–1920 гг. Ахтия собирал карельские слова суоярвского говора. Большую часть словарных листов он записал от Марппы Билибиной (Сийдарин Марппу), уроженки деревни Ехкиля, 1857 г. (на финской стороне реки Шуя).

В этой деревне родился и наш знаменитый фольклорист доктор филологических наук Виктор Евсеев (1910–1986). Мне пришлось бывать на месте этой деревни, где до финской войны жили двоюродные братья, сыновья сестры моей мамы, Анны Негреевой из Корзы. Один из племянников тетки

Анны – Пааво Харака, директор школы в Валtimo, собрал и опубликовал в книге «Сундуга» (Йозенсуу, 1989) шуточные рассказы и бывальщины 10 рассказчиков из Ехкиля и соседних деревень. В числе рассказчиков были Александр Поресво (Бомбин), Паули Тулехмо (Трофимов), Васян Паули (Ехкиля), а также Кости Памило из Поросозера.

После смерти отца Марппа Билибина жила в Онгамуксе и Савилаччу (теперь это заброшенная деревня, расположена на северо-западе от озера Сямозера), а поэтому хорошо знала сямозерские и вешкельские говоры.

В 1921–1924 гг. Ахтия записывал некульскую-рыпушкальскую лексику от уроженцев Олонца Василия Михеева и Ирины Яркуевой (Яркку), перешедших границу.

В начале 1924 года приступили к записи сямозерских говоров. Первым источником была Ирина Лукошкина из Улялеги (напротив поселка Соддер), 1858 года рождения. Она перебралась в Финляндию в годы революции. С нее началась 13-летняя работа по сборанию лексики Сямозерья и созданию крупнейшего в мире словаря одного наречия.

Летом 1926 года в Питкяранте нашлась новая «говорящая» помоложе – Устя Логинова. Она родилась в 1900 году в деревне Логинсельга (недалеко от Инжнаволока). В 1920 году эта Устя перебежала в Хаутаваару, в 1921-м вернулась, но в 1923 году вновь оказалась в Финляндии.

В 1928 году Ахтия познакомился с Пелагеей Бурчиной. Эта 70-летняя женщина родилась в Кийшколе. Работа с Пелагеей длилась в 1928–1929 годах, кроме слов она пела и причитала вирзи.

В 1930 году Ахтия нашел еще одного «мастера слова», это Егор Никитин (Миккузен Ехор) из Метчельской Лумбилы, 51 года. Запись слов от Никитина была продолжена в Суоярви в 1931 году. По словам Ахтия, его говор чуть-чуть отличался от других. В 1932 году нашелся еще один «говорильщик» – Семен Авдеев (Оудиен Семой) из Корзы, 1873 года рождения. Он убежал в Финляндию в 1930 году. Перед бегством появился в Эссойле у своей сестры Анастасии (Оудиен Настой), которая была замужем за двоюродным братом моего отца, Василием Волковым. Эссойльчанам Овдий рассказывал, что идет в Вешкелицу лудить самовар, который действительно выпячивался из его кошелька. От Авдеева записано около 10000 слов. Ахтия говорил, что корзинский говор не очень богат, но содержит много новых, не записанных ранее слов.

Прошло 10 лет. От пяти информаторов записаны слова от «а» до «ö» (по-русски – от «а» до «я») из разных углов Сямозерья. Началась чистка, что-то отбрасывалось, заменялось. Во время этой работы

помощником был еще один знаток, – уроженец Сямозерского погоста Ефим Попов. Его Ахтия нашел в 1935 году в Кюминлинна, в лагере перемещенных лиц, где были только что перешедшие границу перебежчики. В Ярвенпяя он рассказывал сямозерские старины (таринойта) и разные притчи. Этот Попов – родственник человека, за которого в свое время вышла замуж сестра нашей корзинской бабушки Лукерьи. Правнуки сямозерской бабушки живут и сегодня в своей округе и Петрозаводске.

Я не люблю людей, меняющих родину с могилами пращуров, дедов и отцов на чужезычную землю, но, оказывается, и там некоторые могут делать полезную для сородичей работу.

Всего Эдвард Ахтия собрал и обработал 256000 словарных листов, из них 35500 в районе Неккула-Рипушкалица, 57100 – в окрестностях Суоярви и 163500 (более 60%) – в Сямозерье. Это крупнейшее в мире собрание слов в пределах одного говора (диалекта).

Из этого видно, какую роль сыграл сямозерский говор ливвиковского наречия в создании Большого 6-томного словаря карельского языка (80000 слов), который в течение полувекла составляли академик Пертти Виртаранта и его супруга Хельми, Рая Копола и их соратники. Равного этому словарю нет в финно-угорской лексикологии, этой работе могут позавидовать лингвисты многих стран.

Крупнейшие ученые видели будущее карельского литературного языка на основе объединения ливвиковского наречия и среднекарельских диалектов. Дмитрий Бубрих – доктор филологических наук, основатель отечественного финно-угроведения, писал: «Литературный карельский язык должен строиться не на основе какого-либо одного наречия, а на основе карельского народного языка в целом. Для литературного языка отобраны и связаны в единую систему явления, наиболее устраивающие всех карел» (Грамматика карельского языка, Петрозаводск, 1937).

Современный финский языковед Мартти Пентонен: «Э. Ахтия пытался соединить южнокарельские диалекты с ливвиковским наречием в единый карельский литературный язык».

Академик, инициатор и один из главных участников создания Большого словаря карельского языка Пертти Виртаранта считал, что «для двинских (северных) карел лучший литературный язык – финский письменный язык».

Известный ученый Георгий Керт: «Воссоздание письменности на первом этапе необходимо осуществлять на основе ливвиковского наречия... Это обуславливается не только наибольшей численностью ливвиков и их компактным проживанием.

Ливвиковское наречие по своим языковым признакам занимает промежуточное положение между собственно карельским и людиковским наречиями. В дальнейшем развитии это наречие должно впитать в себя элементы грамматического строя и особенно лексики других наречий».

Элиас Леннрот: «Язык рун – обычное, распространенное в Карелии наречие финского языка, немногим отличающееся от других наречий финских провинций».

О создании единого карельского литературного языка говорилось не раз в постановлениях съездов карельского народа. «Съезд считает, что перспективной задачей карельского национального движения является придание карельскому языку статуса государственного языка Республики Карелия и формированию литературного карельского языка, и нацеливает все общественные организации на дальнейшее сотрудничество с органами власти и местного самоуправления». (Резолюция V съезда карелов. Петрозаводск, 2005 г.) «...Продолжать работу по приданию карельскому языку статуса государственного языка Республики Карелия и формированию литературного карельского языка». (Резолюция VI съезда. Олонец, 2009 г.)

Закон Республики Карелия «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в РК» от 17 марта 2004 г. гласит: «Органы государственной власти РК и органы местного самоуправления гарантируют и обеспечивают юридическую, социальную и экономическую защиту карельского... языка... Могут вести официальное делопроизводство на карельском, вепсском и финском языках».

Но «могут», к сожалению, не значит «делают».

Нам, карелам, надо осознать и твердо помнить: пока не будет единого письменного языка, никакой парламент не примет закона о его государственном статусе, это аксиома. Нас осталось 40 тысяч душ, половина которых не может говорить на языке своей матери. Если мы хотим жить и умереть карелами, надо прекратить распри и объединить все усилия. В том числе коренным образом укрепить связи с тверскими и тихвинскими карелами и дружбу с финскими братьями по племени.

Есть же в Финляндии законы, согласно которым, если в коммуне проживает не менее 8 процентов шведов, она двуязычная. На двух языках ведется документация, пишутся вывески и т.д. Утвержден правовой статус финских карелов, активно печатаются книги наших авторов, опубликована «Калевала» на ливви.

Разве это не пример, не стимул для подражания?

